
ЛИТЕРАТУРОЦЕНТРИЧНОСТЬ РУССКОЙ ИСТОРИИ В РОМАНЕ Д.Е. ГАЛКОВСКОГО «БЕСКОНЕЧНЫЙ ТУПИК»

О.И. Золотухина

Российский университет дружбы народов
ул. Миклухо-Маклая, 6, Москва, Россия, 117198

Автор рассматривает проблему прочтения истории в романе Д.Е. Галковского «Бесконечный тупик» как литературного текста. Основное внимание уделяется вопросу подвижности границ между историческим фактом и художественным вымыслом. Выявляется взаимодействие исторического и эстетического элементов в версиях истории России, представленных в романе.

Ключевые слова: литературоцентричность, история, литература, философия, национальная идея, миф, рефлексия.

Роман Д.Е. Галковского «Бесконечный тупик» включает в себя три самостоятельные части: статью о В.В. Розанове «Закругленный мир» (1983—1984), «Основную часть» (1984—1985) и «Примечания» (1985—1988). Произведение представляет собой сложный культурный феномен, отражающий и репрезентирующий широкий и разнородный комплекс культурных смыслов, социальных, психологических и языковых ценностей.

Взаимодействие художественного и литературно-критического текстов в романе неизбежно, так как в роли критика выступает герой романа. Более того, он анализирует не только художественные произведения других авторов, но и переосмысливает нормы классической теории литературы, комментирует свой собственный текст, представляет новые версии развития истории и философии. Множество текстов внутри романа взаимодействуют друг с другом, в том числе путем вторичной интерпретации одного текста другим.

Видение русской истории и культуры, которое Галковский репрезентирует в «Бесконечном тупике», значительно отличается от общепринятого. Это верно отметила И.С. Скоропанова: «„Бесконечный тупик“ полемически направлен против официальной версии истории русской культуры, чрезвычайно ее обеднявшей и искажавшей, против позитивизма вообще, равно как против любой другой догмы, подминающей под себя живую истину» [6. С. 451]. Автор «Бесконечного тупика» снимает глянец с мумифицированных лиц и мифологизированных событий, чтобы добраться до сути явлений, повлиявших на ход русской истории. Главная мысль романа в том, что Россия как исторически сложившееся государство после катастрофы 1917 г. была уничтожена; в дальнейшем это было лишь задекорированное под Россию совершенно иное государственное образование, где обжились «первые люди», не имеющие исторической памяти (запечатленные, например, А. Платоновым в «Чевенгуре»).

История в «Бесконечном тупике» предстает не как абстрактное явление, а как последовательность фактов, явившихся следствием деятельности определенных людей. Эти факты становятся объектом ироничной интерпретации со стороны

Галковского. Реальные исторические лица — Розанов, Набоков, Чернышевский, Достоевский, Чехов представлены в книге как персонажи истории.

Русская история с точки зрения автора «Бесконечного тупика» носит романтический характер. Она представляет собой сложное переплетение исторического и эстетического элементов, которые не только взаимодействуют, но и объединяются: «Революция окончательно обессмертила Россию, взвинтила уровень художественного постижения мира. Был поставлен грандиозный спектакль, давший пищу на столетия вперед даже самому унылому позитивисту» [1. П.78]. Такой «эстетизм русской истории», по мнению Галковского, требует поэтического языка для выражения рациональных на первый взгляд идей. Логика взаимодействия исторического и художественного планов проявляется в описании всех персонажей-политических деятелей. А при описании фигуры Ленина, например, активное движение идет в сторону литературы: «Ленин — персонаж из „Бесов“» [1. П.640].

Осознание литературности жизни, присущее Розанову, становится основой идеей «Бесконечного тупика». Мысль о том, что Россия «вылетела в книги», находится в контакте с идеей Розанова о том, что «Россию убила литература» [4]. Галковский убежден, что Розанов чувствовал литературность жизни, ее поэзию, сюжет, форму, мысль, но и жизнь допускает возможность такого подхода: самозванство — специфическая особенность истории, как «бесовской спектакль», балаган, игра, где исторические личности являются актерами.

Наиболее точно модель русской истории представлена в «Бесах» Ф.М. Достоевского, где бал, по мнению Галковского, лишь один из ее узлов: «есть и другие, не менее жуткие в своем пророчестве. Да и сама издевательская аура „Бесов“, пожалуй, — пророчество наиболее удивительное» [1. П. 140]. Писатель утверждает, что Достоевский не просто предугадал, а напророчил многие события в истории России, он напророчил Распутина, предсказал появление революционеров, показал их со всеми парадоксами, ошибками и заблуждениями, очень ясно изобразил назревание революции. «Бесы» не являются научным предвидением или совпадением, просто «мозг Достоевского — это микрокосм мозга России, русской идеи. Достоевский фантазировал, творил образами, Россия — реальностью. В „Бесах“ Достоевский смог детально воспроизвести „мрачную фантазию“ и сам явился ее деталью» [1. П.640].

В.П. Руднев сравнивает эту идею с «парадоксом Лотмана»: «Грибоедов изобразил Чацкого в 1822 г. Прототип Чацкого — Чаадаев. В 1836 г. Чаадаева, как пятнадцать лет назад Чацкого, объявляют сумасшедшим» [5]. Галковский продолжает ряд «Чацкий — псевдоним члена меньшевистского ЦК П.Д. Бронштейна» [1. П.631]; также Хаим Чацкий, автор нашумевшей поэмы „Ракету мне ракету“ [1. П.943]; Сократ Чацкиди, прославившийся «эпиникием „Цикуту мне цикуту“» [5]. Такое воплощение литературных фактов и имен в историю России спровоцировала «оборачиваемость» русского языка, и именно она и русская литература, по мнению автора «Бесконечного тупика», должны нести ответственность за произошедшее. Такой тип литературоцентризма можно назвать радикальным.

Но не все превращения оказывались трагичными для России. Например, идея христианства, придуманная иудеями как «провокативно-заглушечная религия для рабов» обернулась против них, и евреи «со своим иудаизмом превратились в рудимент, — в „атавизм“» [1. П.376].

Россия наполнена персонажами из книг Гоголя. Если бы, считает Галковский, расстреляли Достоевского в 1849 г., то он не написал бы «Бесов», и, возможно, не было самих бесов в России» [1. П.41]. Революционное движение в России видится автору как цепь непрерывных предательств и карнавалов: сначала правительство придумывало революционеров, которые, внедряясь в правительство, уже сами создавали реакционеров, а в середине была пустота — литература. Уже Розанов начинал говорить об этом, но он не успел пожить в XX в., наполненным «страстью к двойным, отражающим друг друга „зеркалам-заглушкам“». На вопрос Набокова, почему Запад так лояльно относился к Советскому Союзу, Галковский отвечает, что «Запад это государство и создал» [5]. К этому ряду можно отнести и замечание о дневниках Бунина. Здесь экзистенциальный опыт противопоставляется фиктивности художественного вымысла — Нобелевскую премию он получил за то, что не написал или вовремя не опубликовал. «По накалу дневника видно, он о революции мог бы такую книгу написать», но дневник он опубликовал только перед смертью, и «в дневнике этом на каждой странице хочется писать: „мало, мало, не так все было, еще хуже, еще подлее“» [1. П.514].

Несомненно, произведения классиков русской литературы являются не только пророчеством, но и зеркалом той эпохи, в контексте которой они были написаны. На примере цитаты из переписки Достоевского с отцом [1. П.522] Галковский емко характеризует сложившуюся в то время в России ситуацию: «Вот она, русская действительность. С одной стороны „сильненькие“, а с другой — „коноводы“. И это с детства» [1. П.552].

Контакт и взаимопроникновение в «Бесконечном тупике» истории, философии и литературы способствует выдвиганию версий, рассмотрению возможных вариантов, формирующих литературный подтекст известных исторических событий. Так, например, писатель рассуждает о возможности превращения Достоевского в национального вождя благодаря внешним данным («лицо пророка», «лоб мыслителя»), он вполне мог быть объявлен «величайшим гением всех времен и всех народов», его книги могли бы быть изданы огромными тиражами. «Придумали частушки про дедушку Достоевского и распевали их в яслях хором... Нет, нашлись кандидатуры поинтересней: „энциклопедический ум Чернышевского“, „гениальные прозрения Белинского“. А дальше уже маячила картавая бородавка Самого Человечного Человека» [1. П.511]. Автор «Бесконечного тупика» с определенной долей иронии сожалеет, что Достоевский, при внешнем соответствии вождю, не был объявлен таковым. И даже современник Достоевского, Л.Н. Толстой, проигрывает при сравнении: «Поставить рядом Толстого. Да это карикатура на Достоевского» [1. П.769]. Но уже в следующем примечании Галковский объясняет, что невозможность избрания Достоевского вождем кроется в том, что классик видел будущее России в объединении славян, ведущему впоследствии к еди-

нению человечества. Автор «Бесконечного тупика» считает, что Достоевскому «не хватало ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНОГО злорадства», что он «повторял» идеи славнофилов и «предвосхищая уже менее невинные силлогизмы Соловьева завел писательскую ахинею...» [1. П.815]. Галковский показывает, что осуществление данной утопической идеи ему кажется невозможным.

В понимании Галковского история — не объективность, которую можно познать в аналитическом процессе. История в «Бесконечном тупике» становится текстом, объектом литературы. Зафиксировать и передать исторические события объективно не представляется автору возможным без внесения элементов субъективности. Такой подход к истории подразумевает понимание прошлого как дешифруемого текста, в котором история является результатом воображения. Историк творит текст истории, так же как писатель создает художественный текст». Попытку создания «живой реальности мифа» [1. П.56] автор называет тоже интеллектуальной провокацией, поскольку акцентирует внимание читателя не на стороне фактов, а на совмещении элементов, составляющих узор текста, и желании показать «оборачиваемость языка», «зыбкость почвы»: «Я не историк и вовсе не собираюсь доказывать свою точку зрения. Я ее лишь показываю» [___]. Важно помнить, что, цитируя В.В. Розанова, Д.С. Мережковского, С.М. Дубнова, В.С. Соловьева, Галковский создает эффект объективности, но так как она эта исходит от главного героя романа Одинокова, ее правильнее было бы называть «субъективной объективностью».

Литературоцентричность истории приводит к пониманию истории как мифа. Так, в романе активно воплощается мысль о том, что один из доминирующих русских мифов XX века заключается в признании Ленина антихристом. Поскольку миф является самой высокой формой национального бытия и способом концентрации представлений об истории, то не учитывать его невозможно. «Необходимо включиться в этот миф, стать его проводником, но и завершителем», — говорит Галковский, размышляя о «мифологии Ленина» [1. П.706]. Фигура Ленина во всем тексте «Бесконечного тупика» подана не просто иронично, а едко-саркастически.

Называя русскую историю «бесцельной», Галковский акцентирует внимание на том, что Россия представляет собой мнимость мировой истории, подразумевает изначальную мифологичность России в силу невозможности ее объективации. Созданные мифы о России наполнены «общепризнанными фактами», всячески принижающими роль и значение русских в жизни Европы, задвигающими русский народ в разряд отсталых, малоцивилизованных народов. Мифологичность как России, так и русской истории обусловлена человеческим существованием. Единственной реальностью является мир «внутри» человека, а слияние с «внешним» миром возможно только через «тотальную субъективацию» [1. П.141].

Русская история в «Бесконечном тупике» оценивается как бессмысленная. Но это не является негативной оценкой. Бессмысленное в «Бесконечном тупике» подразумевает нерациональное мышление, потенцию художественности, повод для активности субъекта, начинающего искать историко-философский смысл. Здесь бессмысленное находится в контакте с национальными и религиозными

представлениями. Галковский часто обращается к проблеме православия, но не стремится к каноничности и ритуальности. Христианство писателю видится не изначальной идеей, не церковной реальностью, а духовной действительностью, которая рождается в художественных текстах, философских сочинениях и событиях русской истории.

«Русское», как влиятельный концепт, охватывает все пространство книги. Галковскому менее интересны мировая история и западная литература. Больше внимание уделено России, ее истории, философии литературе и культуре. В этом ключе «Бесконечный тупик» является своеобразной гиперактивной «хрестоматией» национального сознания. Представление о русском национальном характере в романе строится на деконструкции и взаимодействии классических образов, ставших уже культурными знаками (великий инквизитор, Чичиков).

Ретроспективно вглядываясь в русскую историю, Галковский делает пессимистический вывод: «Зачем русское мышление так заклинено на продуцировании всех и всяческих заглушек? Да чтобы покончить самоубийством, чтобы не существовать и выскользнуть из идиотизма русской мысли. В мозгу у русских сшибаются лбами две противоположные заглушки. И аннигилируются. Два диаметральных „что делать“, соединяясь, превращаются в одно могучее „ничего не делать“. В этом мрачная загадка русской истории» [1. П.8]. Но и основываясь и на более позднем ее развитии — начале XX в., автор не находит причин для оптимизма.

Исследуя природу национальной идеи, автор обращается к культурному коду истории, включая на равных с собственными комментариями отрывки из художественных произведений разных эпох, публицистические и философские работы разных авторов, расширяя таким образом пространство повествования. Более того, Галковский признает, что иррациональность национальной идеи диктует выбор фрагментарной формы повествования: «Вот почему эта книга полубессознательно построена как цепь повторов, постоянных „забвений“, и „вспоминаний“» [1. П.144]. Наиболее адекватной реализацией национальной идеи явилось, по мнению автора, творчество В. Розанова как «попытка абсолютного порождения» [1. П.219], в которой осуществился замысел русской истории: «Он распустил свой логос, и тот повис в реальности гигантской паутиной национального мифа. Дешифровать его, разять извне нельзя, но можно воспроизвести изнутри, повторить расово идентичный опыт» [1. П.3]. «Национальность — это и есть бесконечный тупик» [1. П.1]. В стране, где не существует исторической памяти или «истории фактов», возможен лишь национальный миф. В связи с этим целью автора становится создание метамифологии, мифологии, в которой возможно существование самосознания, при этом герой романа выступает как отдельная личность, представляющая собой, по словам писателя, «квинтэссенцию национальной идеи» [1. П.224].

Выделяя фрагментарность как основную черту русского мышления, Галковский возводит ее в ранг онтологической категории мышления. Писатель характеризует эту категорию как причину трагичности русской истории и русского государства: «Трагедия русского сознания в его рассыпанности» [1].

Похожее понимание фрагментарности он ищет в русской культуре и находит ее прежде всего у Розанова. В.В. Кожин в статье «Жизнь в слове» говорит о том, что «розановское наследие... во многом определило и дух, и стиль „Бесконечного тупика“, хотя Д.Е. Галковский создал и некий своей собственный жанр: его „примечания“ — это не отдельные „опавшие листья“. Они растут на одном ветвистом „древе“ — пятьдесят четыре „ветви“ с большим или малым количеством „листьев“» [2].

Другой особенностью истории России является установка на страдание, на заданную духовным полем неудачу исторического процесса, где одно несчастье сменяется другим. Но в этом общественном страдании вызревает то, что можно назвать «параллельной историей»: литература оказывается подлинным пространством истории, местом для ее самых серьезных образов и идей.

Если роман в традиционном его понимании, как правило, воссоздает определенную историю, превращает ее в важный в художественном плане элемент, то в «Бесконечном тупике» Галковский превращает в роман саму русскую историю, строит сложнейшую систему примечаний к «Исходному тексту», формирующих историко-культурный хаос. Логические связи и обоснования в тексте имеют дедуктивный характер: «Некоторым звеньям присущ эстетизм. Русской истории эстетизм присущ в высшей степени... Такой же эстетизм характерен и для индивидуальной, частной судьбы русского человека» [1. П.8]. Система доказательств исторических фактов строится на парадоксальных силлогизмах: «Легенда о масонах ложна. Но ее ложность истинна. И поэтому это правда» [1. П.31]. В «Бесконечном тупике» происходит непрерывный диалог разных творцов, которые не были современниками, одновременно сосуществуют несколько культурных слоев, принадлежащих разным эпохам. Именно эти способы моделирования художественной действительности демонстрируют отношение автора к истории как к литературному тексту, который можно подвернуть деформации ради получения требуемого результата.

Основные явления, которые автор подвергает пересмотру в романе, — это западничество, леворадикальная идеология, марксизм-ленинизм. Им противопоставлены славянофильство, правоконсерватизм и религиозно-философская мысль. Однако и «положительные», с точки зрения Галковского, идеологии изображаются не односторонне. Например, автор «Бесконечного тупика», отмечая ряд спорных моментов, о славянофилах объективно замечает, что не эти люди определяли судьбу России [1. П.8]. В романе идет активный процесс национальной самокритики, способный поразить даже русофобов. Его достаточно точно описал В.В. Кожин: «Самоосуждение перехлестывает все барьеры, переходит все границы и потому то и дело оборачивается самоутверждением, но глубоко выстраданным, лишенным даже тени самодовольства» [2]. Критик акцентирует внимание на том, что «предательство, подлость, допросы, издевательства, розыгрыши, глумление» являются нормальным состоянием литературы. «История в „Бесконечном тупике“ эстетизирована, поэтому она воспринимается как нечто захватывающее. Но любая история — это прежде всего история того, кто пишет эту историю» [2].

По мнению В.П. Руднева, тот вариант истории, который создал Галковский в «Бесконечном тупике», глубже и богаче ее советского или масонского вариантов. Но советская история более мистична, ее цель — вуалирование, а задача романа — бесконечное разоблачение, но тупик является бесконечным: за всем „кто-то стоит“: за русскими — евреями, за евреями — масонами, за масонами — немцами, за немцами <...>» [5].

Таким образом, Д.Е. Галковский предпринял попытку прочтения истории как художественного произведения. Действительность в романе изменяет свой статус, превращаясь в вымысел, пространство повествования. История становится не пассивным объектом научного изучения, а творческим пространством, где происходят процессы, активного мифотворчества. И это мифотворчество вполне сочетается у Галковского с рефлексией — и личной, и национально-культурологической. История в «Бесконечном тупике» предстает не просто как публицистика, а политическая, идеологическая публицистика, т.е. крайне, предельно тенденциозная.

Писатель подвергает сомнению и безоговорочность развития литературы этого периода в рамках реализма, вскрывает условность такого атрибутирования как литературное направление в целом, показывает подвижность границ между историческим фактом и художественным текстом, используя парадоксальный антонимизм как основной способ мышления.

ЛИТЕРАТУРА

- [1] Галковский Д.Е. Бесконечный тупик [Электронный ресурс]. — URL: <http://www.samisdat.com/3/31-bt.htm>
- [2] Кожин В.В. Жизнь в слове // Наш современник. — 1992. — № 1.
- [3] Лотман Ю.М. Статьи по семиотике культуры и искусства. [Электронный ресурс]. — URL: <http://teatr-lib.ru/Library/Lotman/statjy/>
- [4] Розанов В.В. Апокалипсис нашего времени. [Электронный ресурс]. — URL: <http://www.vehi.net/rozanov/apokal.html>
- [5] Руднев В.П. Философия русского литературного языка в «Бесконечном тупике» Д.Е. Галковского // Логос. — 1993. — № 4.
- [6] Скоропанова И.С. Русская постмодернистская литература. — М., 2007.

LITERATURA

- [1] Galkovskiy D. Beskonechnyi tupik [Elektronnyi resurs]. — URL: <http://www.samisdat.com/3/31-bt.htm>
- [2] Kozhinov V.V. Zhizn' v slove // Nash sovremennik. — 1992. — N 1.
- [3] Lotman Ju.M. Stat'yi po semiotike kul'tury i iskusstva [Elektronnyi resurs]. — URL: <http://teatr-lib.ru/Library/Lotman/statjy/>
- [4] Rozanov V.V. Apokalipsis nashego vremeni. [Elektronnyi resurs] — URL: <http://www.vehi.net/rozanov/apokal.html>
- [5] Rudnev V.P. Filosofiya russkogo literaturnogo yazyka v «Beskonechnom tupike» D. Galkovskogo // Logos. — 1993. — N 4.
- [6] Skoropanov I.S. Russkaya postmodernistskaya literatura. — M., 2007.

THE LITERARY DISCOURSE OF RUSSIAN HISTORY IN DMITRY GALKOVSKY'S NOVEL "THE INFINITE DEADLOCK"

O.I. Zolotukhina

Peoples' Friendship University of Russia
Miklukho-Maklaya Str., 6, Moscow, Russia, 117198

The article is devoted to the problem of reading and understanding History as a literary text in Dmitry Galkovsky's novel "The Infinite Deadlock". The main attention is paid to the mobility of the boundaries between historical fact and literary text. The study reveals the interaction of historical and aesthetic elements in the versions of Russian History presented in the novel.

Key words: literary discourse, history, literature, philosophy, national idea, myth, reflection.